

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>.

EDN: MVYDXW

*В.Д. ДМИТРИЕВА*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

КАРДИНАЛЫ ЕВРОПЫ И АФРИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРЬЕР КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация. Статья призвана закрыть пробел в научной литературе по религиозным элитам, связанный с недостатком внимания к «бюрократии Ватикана» и небольшим количеством сравнительных исследований. Проведен анализ биографий кардиналов Европы и Африки, которые маркированы в качестве католической элиты в соответствии с позиционным методом. Географические регионы выбраны по принципу наименьшего сходства. Карьера кардиналов представлена как продвижение по церковной иерархии, где предэлитной считается ступень от рукоположения до возведения в сан епископа. Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографическим профилям кардиналов с сайта Святого престола. Выборка равна генеральной совокупности и включает 137 иерархов. Теоретической рамкой исследования выступили концепция глобального католицизма Хосе Казановы и социология религии Пьера Бурдьё. Установлено, что карьеры католической элиты Европы и Африки, несмотря на наличие сходных параметров, существенно отличаются. Восхождение европейцев по карьерной лестнице сопровождается снижением эндогенности, понимаемой как совпадение места рождения и работы. Это обусловлено перемещением в Рим, в котором сконцентрированы доминирующие позиции и задаются «правила игры» поля религии. Напротив, у африканцев преобладает тип карьер, при котором прелат поочередно занимает диоцезные должности. На этапе до возведения в кардиналы африканские иерархи получают

управленческие позиции на национальном уровне. Это объясняется необходимостью накопления религиозного капитала, которое не было завершено церковью в африканском контексте. Сравнительный анализ биографий католической элиты подтвердил гипотезу о том, что региональные отличия оказывают значительное влияние на карьеры кардиналов.

Ключевые слова: кардиналы, католическая элита, карьера, Европа, Африка, поле религии, религиозный капитал.

Для цитирования: Дмитриева В.Д. Кардиналы Европы и Африки: сравнительный анализ карьер католической элиты // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 101–137. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>. EDN: MVYDXW.

ВВЕДЕНИЕ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Слово «элита» (от лат. *eligere*) появилось еще в Средние века. Оно относилось прежде всего к церковной иерархии и сочетало два значения: «отбирать» и «выбранный», «избранный». В данном контексте словоупотребление подчеркивало неразрывную связь между избранием на должность и избранностью персоны, занявшей эту должность. Поскольку иерархическое устройство традиционных обществ основано скорее на наследовании, чем на отборе, который производился среди равных (например, внутри корпорации или курии), термин не получил широкого распространения. В современном значении «элита» как социальная группа, находящаяся на вершине власти, вошла в общественный дискурс лишь в XIX в., а научная разработка понятия пришла на XX в. [10, с. 143–146, 149–150].

Приведенный историко-этимологический анализ отчасти объясняет трудности, возникающие при попытках концептуализации религиозной (или конфессиональной) элиты. В научной литературе встречаются разнообразные подходы к решению этой проблемы, однако многие из исследований сфокусированы на исторических примерах. Рассматривая позднеантичный период, К. Рапп определяет элитный статус епископов на основании их позиции в церковной иерархии, духовного лидерства и социальных характеристик, включая благородство происхождения, образование, богатство и близость к импе-

ратору [29]. Выделяя субэлиту внутри исландского духовенства XIV в., Э. Сигурдсон делает акцент на сплоченной группе священнослужителей, карьерное продвижение которых зависело от функционирования структур: социальных (сетей патронажа), экономических (бенефициарной системы) и церковных (епархиального управления) [30, р. 2–3]. Оба автора изучают традиционные общества, поэтому предлагаемое ими содержание термина «элита» представляется анахроничным, сходным с аристократией. В свою очередь, Р.М. Биглер маркировал в качестве элиты протестантское духовенство Пруссии начала XIX в. В данном случае под элитой понимается влиятельная профессиональная группа, которая обладает политическим сознанием и, несмотря на внутренние (теологические и др.) противоречия, оказывается способной к артикуляции и отстаиванию собственных интересов [13, р. xi]. Это значение наиболее близко к современному, при котором отличительной чертой элитных групп выступает «право и возможность фиксировать других и себя в системе социальных координат» [10, с. 154].

Исследования религиозной элиты сталкиваются также проблемой отграничения от «приходской», или «религиозной» социологии¹. П. Бурдые сформулировал это следующим образом: «... та социология религии, какая делается сегодня, а именно производителями, причастными в разной степени к полю религии, может ли она быть настоящей научной социологией? И я отвечаю: с трудом» [3, с. 133]. В этом отношении примечательна работа по истории ирландского элитного

¹ В рамках приходской/религиозной социологии проблема и границы исследования задаются религиозной организацией, как правило, финансирующей работу социолога. Этот тип социологии является скорее не научной дисциплиной, а практическим применением социологических методов для изучения религии [15, р. 111]. Выделяют еще одно определение, маркирующее в качестве религиозной социологии исследование религиозных институтов и практик, которое ориентировано на системы значений и смыслов, разделяемых верующими. Обе дефиниции подчеркивают связь религиозной социологии с доктринальными установками (и потребностями) изучаемой религии. Это приводит к превалированию эмпирических данных над теоретическими обобщениями; см.: Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 255–256.

образования, в которой под католической элитой понимаются не представители церкви, а статусные персоны, окончившие религиозные учебные заведения (см.: [28]). Дополнительным объяснением недостатка внимания к институциональной религии является фокусирование ученых на втором полюсе типологии «церковь–секта», который предоставляет обширный материал для изучения религиозных верований, практик и приверженности [15, р. 111–112]. Вероятно, поэтому ряд авторов указывает католические движения, организованные вокруг харизматических лидеров, в качестве новой элиты. Однако начиная с 1980-х гг. (неклерикальные) движения были инкорпорированы Святым престолом через правовое регулирование деятельности и рекрутирование членов в состав церковной элиты [23; 1, с. 148–149, 153–155].

Еще в конце XX в. социолог А. Бриман отметил, что изучение элит в контексте религиозных организаций, как правило, сводится к выявлению социального происхождения и образования епископов. При этом не учитываются их карьерные траектории, а также наличие иных элитных групп, обладающих управленческим функционалом и значительным влиянием в церкви [15, р. 113–114]. Тенденция к анализу национальных епископатов при относительно небольшом количестве межстрановых/межрегиональных исследований сохраняется по сей день. В отношении католицизма, отличающегося высоким уровнем централизации, за скобки выносятся вопрос о «бюрократии Ватикана» [18]. Настоящая статья призвана отчасти закрыть данную лауну посредством *сравнительного анализа карьер католической элиты Европы и Африки*. При определении элиты используется позиционный метод, который связывает занятие формальной руководящей должности с реальным влиянием. Хотя этот метод не рассматривает личную репутацию и активность элитных персон, он открывает возможность для изучения устойчивых властных структур, в том числе в исторической перспективе [26, р. 80–83]. Аргументами в пользу выбранного метода выступают длительность существования церковной иерархии, а также закрытость процесса выработки и принятия решений.

В статье под католической элитой понимаются кардиналы — высшая после папы римского позиция в католической церкви. Они образуют коллегия, в функции которой входит избрание понтифика на конклаве (для прелатов моложе 80 лет) и обсуждение актуальных

вопросов на ординарных и чрезвычайных консисториях. Индивидуально кардиналы занимают управленческие должности в Римской курии, городе-государстве Ватикан и местных диоцезах — до 75 лет с правом продления полномочий¹. Позиционный критерий и сопряженные с ним функции являются достаточными, но не исчерпывающими для подтверждения элитного статуса кардиналов. Каноническое право стремится закрепить меритократический аспект, согласно которому кардиналы избираются папой «из числа мужей, <...> значительно выделяющихся ученостью, добрыми нравами, благочестием, а также благоразумием в ведении дел»². На практике кардиналы становятся инициаторами и критиками церковных реформ (см., например, дискуссию о «Синодальном пути» Германии: [12, с. 176–177]), архитекторами политического курса Святого престола и поместных церквей (см., например, деятельность кардиналов в коммунистической Польше: [16, р. 105]), выступают с публичными заявлениями³.

В настоящем исследовании карьера определяется как продвижение по церковной иерархии, начинающееся с позиции священника. Возведение в сан епископа становится вхождением в первую элитную должность. Это объясняется тем, что служение епископа сочетает обязанности освящения, учительства и управления с исключительным правом рукоположения в священнический сан⁴. Полнота ординарной (связанной с должностью) власти римского понтифика основана не только на законном избрании, но и на епископском посвящении. Значимость епископской хиротонии подтверждает также необходимость ее принятия при возведении в кардиналы⁵. В отношении карьер пред-

¹ См.: Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 163–168.

² Кодекс канонического права. С. 165.

³ См., например: Cardinal Ameyu hopeful for lasting peace in South Sudan // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/africa/news/2024-10/cardinal-ameyu-positive-and-hopeful-for-lasting-peace-in-south-s.html> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Католическая энциклопедия. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 1822, 1826–1827.

⁵ Кодекс канонического права. С. 156–158, 165.

предшествующей считается позиция за одну до получения кардинальской шапки, а предшествующей — должность, занимаемая непосредственно перед назначением.

Исходным пунктом (гипотезой) исследования выступает предположение о том, что региональный контекст оказывает значительное влияние на выстраивание карьерных траекторий католической элиты.

КАТОЛИЦИЗМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Географические регионы выбраны на основании наименьшего сходства¹. Согласно церковной статистике, к 31 декабря 2022 г. численность католиков достигла 1,39 млрд человек, составив 17,7 % мирового населения. Она возросла на всех континентах, кроме Европы, продемонстрировавшей сокращение на 474 тыс. человек за год. На африканский континент, напротив, пришлись максимальные показатели увеличения католического населения: 7,27 млн человек, или 0,32 %. Официальная статистика фиксирует сокращение количества священников и семинаристов, значительный прирост которых наблюдается только в Африке. Данные за год указывают на изменение состава епископов, наибольшее увеличение которого произошло в Африке (+15 чел.), а снижение — в Европе (–10 чел.)².

¹ Каждый из географических/континентальных регионов характеризуется делением на субрегионы, отличающиеся по ряду параметров; см., например, классификацию Организации Объединенных Наций: Geographic Regions // United Nations. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49> (дата обращения: 24.10.2024). Одним из оснований дифференциации может служить отношение к религии; см., например, использование шкалы «традиционные vs секулярно-рациональные ценности» на культурной карте мира: Findings and Insights // World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 24.10.2024). Признавая неоднородность европейского и африканского континентов, настоящее исследование выносит за скобки вопрос о субрегиональной специфике, что обусловлено стремлением представить целостную картину по выбранным регионам.

² Vatican — Catholic Church Statistics 2024 // Agenzia Fides. URL: http://www.fides.org/en/stats/75542-VATICAN_CATHOLIC_CHURCH_STATISTICS_2024 (дата обращения: 18.11.2024).

Исторически взаимоотношения католицизма и Европы имели диалектический характер, обусловленный сочетанием универсалистских притязаний с самовосприятием церкви в качестве создателя и представителя европейской цивилизации. Постепенный отход от европоцентризма, прослеживающийся в католическом дискурсе со второй половины XX в., неравномерно охватил разные сегменты церкви. Например, не было достигнуто соответствие между численностью католиков и церковных иерархов (особенно кардиналов) в регионах мира. В настоящее время глобализация христианства происходит наряду с секуляризацией Европы. Последняя выражается в сокращении религиозных практик и проблематизации религиозной/конфессиональной идентичности европейцев в целом и жителей Европейского союза в частности [27, р. 442–443, 448, 453–454]. Однако с 2000-х гг. на фоне новых вызовов (миграции, распространения ислама и пр.) наблюдается отход от «евросекулярности» в сторону усиления гражданской активности верующих, создания околоцерковных организаций и социального возрождения внутри христианских церквей. Присутствие католицизма в общественной жизни Европы достигается через вовлеченность в публичные дебаты (включая критику европейской политики) и предоставление позиций, важных для выстраивания диалога со светскими и религиозными властями, а также осмысления актуальных процессов. В этом контексте влияние церкви измеряется скорее не статистическими показателями религиозности, а контролем над должностями в различных секторах [11, с. 50–51, 81–84, 121–124, 241].

Растущее значение африканского континента для католической церкви обусловлено несколькими факторами. Во-первых, евангелизацией Африки южнее Сахары. В отличие от Северной Африки, где экспансия христианства началась во времена апостолов и в VII в. оказалась сдержана арабскими (мусульманскими) завоеваниями, обращение южной части континента пришлось на колониальный период, преимущественно на XX в. По данным Всемирной христианской энциклопедии, с 1900 по 2020 г. Африка продемонстрировала увеличение доли христиан с 9 до 50 % при наибольшем приросте католиков (с 2 до 18 %). Во-вторых, важная роль отводится демографическому фактору, т.е. высокой рождаемости. Эмпирические данные свидетель-

ствуют о том, что в африканских странах с большей долей католиков население растет быстрее¹. В-третьих, для Африки характерен высокий уровень религиозной практики. По данным Всемирного обзора ценностей, в 2023 г. максимальные показатели еженедельного посещения мессы зафиксированы среди верующих Нигерии (94 %) и Кении (73 %). Причем это единственные государства Африки, по которым доступна информация. В-четвертых, за последнее десятилетие континент стал глобальным центром призваний. В 2019 г. в Африке священнический сан получили 1600 человек, что на 294 человека превышает показатели Европы. В Нигерии было совершено больше рукоположений, чем в любой европейской стране².

Африканский католицизм является комплексным феноменом, который объединяет разнообразные контексты и религиозные традиции. Несмотря на общее колониальное прошлое, африканские страны отличаются историческими и культурными ситуациями. Евангелизация происходила в условиях соперничества католических и протестантских миссионеров, привлекавших местных катехизаторов и переводчиков из числа мирян. В Африке действует множество монашеских орденов и конгрегаций, что приводит к сосуществованию конкурирующих типов духовности. Главной особенностью африканского католицизма выступает стремление охватить все стороны жизни, включая социально-политическую проблематику. В целом католическая идентичность континента определяется постоянным напряжением между народными движениями и официальным католицизмом — институциональной религией, которая образована различными иерархиями (диоцезами, миссионерскими центрами и т.д.). Народный католицизм отличает установление связи между духовным и материальным мирами. Фокус народных движений на целительстве (healing) обусловлен не только отсутствием доступа к медицинской помощи, но и верой в действенность духовных сил. Это выражается в возрождении тра-

¹ Demography reigns down in Africa // The Pillar. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/demography-reigns-down-in-africa> (дата обращения: 20.11.2024).

² The Church in Africa, by the numbers // The Pillar. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/the-church-in-africa-by-the-numbers> (дата обращения: 20.11.2024).

диционной католической космологии¹ и акценте на таких практиках, как экзорцизм, строгий пост, ношение религиозных атрибутов и пр. [25, р. 17–21].

Католицизм, укоренившийся в Африке благодаря европейским миссиям, сохранил свои позиции в постколониальный период:

1. Многие лидеры африканских государств были выпускниками миссионерских школ и семинарий — учреждений, производящих религиозный габитус, проявления которого в поле политики свидетельствуют о влиянии религиозной власти [7, с. 47]. В некоторых случаях местное духовенство входило в состав новой правящей элиты. Например, первым президентом независимого Конго стал католический священник Фюльбер Юлу.

2. Церковь развила социальную инфраструктуру, созданную миссионерами и включающую обширную сеть служб. В частности, в Нигерии действует крупнейшая в мире католическая семинария. Церковь продолжает удовлетворять потребности африканцев в сферах образования и здравоохранения, выступая альтернативой слабым государствам.

3. Церковь оказалась вовлечена в экономическое развитие Африки. Она занимается микрофинансированием и привлечением иностранных инвестиций через транснациональные организации («Каритас» и др.) и двусторонние отношения между африканскими и западными диоцезами или епископскими конференциями.

4. Неоднозначной остается роль католицизма в африканской политике, которая варьируется от поддержки демократических сил до легитимации авторитарных режимов. Принятие церкви новыми государствами зависит от ее включенности в национально-освободительную борьбу и миростроительство. Примерами служат выступление против апартеида в Южной Африке и участие в урегулировании военных конфликтов, в том числе в обретении независимости Южным

¹ Под традиционной космологией понимается комплекс воззрений, доминировавших в римском католицизме до 1960-х гг. В этом смысле принятая II Ватиканским собором политика открытости миру (*aperturismo*) рассматривается в качестве ориентации на требования секуляризированной культуры современности.

Суданом. Напротив, интегрированность церкви в колониальный проект и стремление к защите своих институциональных интересов нашло выражение в таких событиях, как геноцид в Руанде [22, р. 291–294, 298–299; 32, р. 553–557].

В настоящее время в католической церкви Африки наблюдается высокий уровень клерикализации, сопряженный с восстановлением дособорного понимания священства, т.е. не предполагающего активной роли мирян. Вероятно, это связано с политикой назначений конца XX в., в результате которой церковная иерархия (особенно епископат) оказалась ориентирована на Ватикан и получила существенную автономию в африканском контексте. Католических прелатов отличает: 1) наличие высшего образования, включая обязательное обучение в семинарии; 2) стабильная занятость — трудоустройство в условиях масштабного экономического неравенства; 3) повышение социального статуса после рукоположения, которое зачастую сопровождается приобретением материальных благ в виде подарков от родственников и прихожан. Более того, в африканской культуре должность священника рассматривается по аналогии с положением (младшего) вождя, что наделяет ее политико-управленческим потенциалом [22, р. 291, 294–295].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая рамка настоящей статьи представлена авторскими подходами двух социологов. В качестве отправной точки исследования выбрана концепция глобального католицизма Хосе Казановы (р. 1951), ставшая продолжением его работ по деприватизации религии¹. Главной

¹ Концепция деприватизации религии была разработана Х. Казановой в 1990-е гг. и изложена в книге «Публичные религии в современном мире». Эта концепция представляет собой пересмотр теории секуляризации и утверждает, что традиционные религии расширили свое общественное влияние через включение в борьбу за (пере)определение границ между частной и публичной сферами. В данном контексте происходит глобализация религии, катализатором которой Х. Казанова считает универсализацию доктрины прав человека, особенно права на свободу совести. Недостатком выдвинутой концепции, задающим пределы ее применимости, служит ориентация автора на американскую либеральную традицию.

теоретико-методологической установкой выступили базовые положения социологии религии Пьера Бурдьё (1930–2002).

Как указывает Х. Казанова, распространение католической традиции в различных регионах мира отмечено динамическим напряжением между тремя взаимосвязанными процессами, к которым относятся:

1. Романизация представляет собой стремление к централизации, которое после II Ватиканского собора (1962–1965) реализуется в русле концепции обновления (*aggiornamento*). Романизация проводится на доктринальном и административном уровнях. Примерами служат публикация в 1983 г. Кодекса канонического права и монополизация понтификом права назначения епископов¹. Романизация должна способствовать гомогенизации католической культуры, по крайней мере среди церковных элит.

В своих работах Х. Казанова выступает за выход религий в публичную сферу гражданского общества, но не политического общества и/или демократического государства; см. подробнее: Энциклопедический словарь социологии религии. С. 59, 80–84, 118–120. В настоящее время социолог является почетным профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне (католического университета в ведении Общества Иисуса) и старшим научным сотрудником Центра Беркли. К числу исследовательских проектов под руководством Х. Казановы относятся «Глобализация, религии и секулярное», «Иезуиты и глобализация», «Католицизм и глобализация» и др. Последний из указанных проектов находится на стадии реализации. Он посвящен глобальной трансформации католицизма в трех регионах мира: азиатско-тихоокеанском, латиноамериканском и африканском; см.: José Casanova // Berkley Center. URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/people/jose-casanova> (дата обращения: 18.11.2024).

¹ Монополия понтифика в этом вопросе характерна не для всех национальных контекстов. В 2024 г. Святой престол и Китай на 4 года продлили Временное соглашение о назначении епископов, подписанное в 2018 г. Этот документ предполагает вовлечение обеих сторон — папы римского и китайских властей — в кадровую политику поместной церкви: Holy See and China extend Provisional Agreement on appointment of bishops // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2024-10/holy-see-china-provisional-agreement-appointment-bishops-extend.html> (дата обращения: 24.10.2024).

Это подтверждается ведущей ролью римских университетов в образовании и социализации будущих иерархов. Среди европейцев 61 человек (56 %), а среди африканцев 21 человек (75 %) обучались в университетах, находящихся в ведении Святого престола. Причем африканские кардиналы преимущественно оканчивали Папский Урбанианский университет, осуществляющий подготовку священников-миссионеров¹.

2. Интернационализация проводится посредством рекрутирования коренного населения на всех организационных уровнях: от местной иерархии до коллегии кардиналов и Римской курии. Значимость этого процесса обусловлена ростом численности католических верующих глобального Юга, в результате которого церковь перестала восприниматься как преимущественно европейский институт. Проявлением интернационализации выступает также создание международных католических сетей взаимодействия.

Процесс расширения национального состава католической иерархии был начат еще во второй половине XIX в. Ведущей тенденцией преобразования коллегии кардиналов стало сокращение доли европейцев в целом и итальянцев в частности. В 1960 г. был назначен первый в истории африканский кардинал (Лауреан Ругамбва из Танзании) [14, р. 62–71; 24, р. 266]. Как видно из данных таблицы 1, нынешний папа более склонен назначать представителей глобального Юга, чем его предшественники. При Франциске европейцы составляют менее половины от общего числа кардиналов.

3. «Национализация» характеризуется усилением поместных церквей, начало которому было положено мобилизацией мирян в рамках Католического действия. Рассматриваемый процесс находит свое выражение в гражданской активности религиозных организаций и работе епископских конференций². Последние претендуют не только на определение общественно значимых вопросов, но и на их осмыс-

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. С. 1595.

² См., например: Cardinal Ambongo advocates for peace and dialogue at the SECAM meeting in Rwanda // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/africa/news/2024-11/cardinal-ambongo-advocates-for-peace-and-dialogue-at-the-secam-m.html> (дата обращения: 01.12.2024).

ление, предполагающее формулирование католической позиции в конкретном национальном контексте [17, р. 134–136].

Таблица 1 (Table 1)

Распределение кардиналов последних трех понтификатов по географическим регионам, чел. (%)

Distribution of cardinals of the last three pontificates by geographical regions, people (%)

Географический регион	Иоанн Павел II N=231	Бенедикт XVI N=90	Франциск N=142
Европа	129 (55,8)	52 (57,8)	58 (40,8)
Северная Америка	28 (12,1)	11 (12,2)	12 (8,5)
Центральная Америка	5 (2,2)	0	7 (4,9)
Южная Америка	25 (10,8)	8 (8,9)	20 (14,1)
Африка	17 (7,4)	8 (8,9)	19 (13,4)
Азия	23 (10)	11 (12,2)	23 (16,2)
Океания	4 (1,7)	0	3 (2,1)

Примечание. Таблица содержит информацию обо всех кардиналах, назначенных за последние три понтификата. Сведения об умерших кардиналах собраны на сайте Святого престола (с 2001 г.)¹ и в базе данных GCatholic.org².

Note. The table contains information on all cardinals appointed during the last three pontificates. Information on deceased cardinals is collected on the Holy See website (since 2001) and GCatholic.org database.

Социология религии П. Бурдые является измерением социологии власти. Поскольку религия выступает инструментом логической и социальной интеграции «коллективных представлений», она выполняет функцию легитимации социального порядка [19, р. 67–68; 2, с. 10–13]. Несмотря на (возможные) конфликты со светской властью, «церковь способствует сохранению политического строя, т.е. символическому

¹ Deceased Cardinals (since 2001) // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/card_bio_typed/card_defunti.html (дата обращения: 24.10.2024).

² Cardinals Created by Pope John Paul II // GCatholic.org. URL: <https://gatholic.org/hierarchy/data/cardJP2.htm> (дата обращения: 24.10.2024).

укреплению его делений, благодаря своей специфической функции поддержания символического порядка» [2, с. 55]. Она утверждает иерархический образ мышления — «натурализует» отношения субординации, устанавливая соответствие между космологической (созданной Богом), церковной и социальной иерархиями [2, с. 55–58].

Важной теоретической разработкой П. Бурдьё стала концепция полей, под которыми понимаются пространства борьбы за накопление и монополизацию различных видов капитала. В рамках конкретного поля «распределение капитала отражает иерархию властных отношений между конкурирующими индивидами, группами и организациями» [31, р. 79]. Поле религии конституирует религиозный капитал. Он связан с символической властью, которая «воспринимается не в качестве власти, а как легитимное требование признания, отличия, повинения или услуг со стороны других» [31, р. 77]. Религиозный капитал существует в форме символических систем и компетенций (знаний и практик), которые аккумулированы церковью. Последняя стремится к монополии на производство, воспроизводство и распространение религиозных продуктов (средств спасения), делегируя авторитет священнослужителям. В данной перспективе религиозный капитал выступает предметом обмена и инструментом власти над мирянами. Он способствует привитию религиозного габитуса как «порождающего принципа», согласующего мысли и действия людей с религиозным учением [34, р. 157; 2, с. 39–54].

В оппозиции церкви находятся колдун и пророк (ересиарх), реализующие свою деятельность без профессиональной подготовки и институциональной гарантии [2, с. 40–43]. Колдун «усугубляет святотатство тем, что вводит мирянина-профана в отношение со священным предметом» [2, с. 26]. Он удовлетворяет религиозные потребности низших классов (крестьянства), занимаясь врачеванием тела за материальное вознаграждение. Напротив, пророк ориентирован на образованные социальные группы и стремится к религиозной власти, «производя и проповедуя четко систематизированную доктрину, способную дать жизни и миру единый смысл» [2, с. 44]. Он вынужден осуществлять первоначальное накопление религиозного капитала, основанное на отрицании собственных мирских (особенно политических) интересов [2, с. 41, 44, 59–62]. Пророк — это «человек экстра-

ординарных ситуаций», дискурс которого наиболее точно отражает происходящие изменения [2, с. 59–62]. Если противостояние колдуну предполагает уступки мирянам (например, канонизацию народных верований), то в борьбе с пророком и сектами церковь производит рационализацию догм и литургии [2, с. 52–54].

Таким образом, поле религии представляет собой пространство борьбы за легитимное определение религиозного как такового и способов исполнения религиозной роли. Исторически это поле характеризовалось наличием церкви, обладавшей монополией на средства спасения и делегировавшей ее своим членам. Размытие границ между религией и иными полями трансформировало логику борьбы за символическое манипулирование мировоззрением и поведением людей. Это обусловлено: 1) пересмотром оппозиции тела и души, а также разделения труда по их лечению; 2) повышением уровня образования, повлиявшим на производителей (духовенство) и потребителей (мирян) религиозного капитала; 3) ослаблением общественного контроля вследствие урбанизации и приватизации жизни, повысившей спрос на психологические услуги. Результатом стало возникновение «нового духовенства», включающего психоаналитиков, социальных работников, членов сект и др. агентов, которые вышли из поля религии только биографически. Миряне составили конкуренцию священнослужителям, сохранившим монополию исключительно в области ритуала [3, с. 147–155].

Среди недостатков теории П. Бурдьё выделяют сфокусированность на (французском) католицизме, предполагающую рассмотрение поля религии как пространства конкуренции религиозных специалистов в их взаимоотношениях с социальной структурой. Акцент делается на институциональной религии, т.е. на церковной иерархии [19, р. 82–83; 21 р. 8]. Ограничение возможностей мирян подвергается критике со стороны ряда исследователей. Например, представители теории рационального выбора Л. Яннаконе, Р. Старк и Р. Финке считают, что религиозный капитал является продуктом, накопление и инвестирование которого происходит на персональном уровне. Освоение религиозной культуры способно приносить выгоду всем индивидам, а не только профессионалам. Среди иных попыток переосмыслить теорию П. Бурдьё можно назвать концепции «духовного капитала» (spiritual capital) и рефлексивного использования религиозной доктрины [34; 20].

Неоднозначным остается также вопрос о применимости религиозного поля к анализу ситуации за пределами современных западных государств, для которых характерно наличие институциональной религии и разграничения сфер общественной жизни. Редакторы сборника «Бурдьё в Африке: исследование динамики религиозных полей» настаивают на использовании теории П. Бурдьё, уделяющей внимание агентам и практикам в их социокультурном контексте, для деконструкции ряда эссенциалистских категорий. В сборнике вместо африканских традиционных религий, африканского христианства и ислама предлагается изучение генезиса, истории и реконфигурации религиозных полей Африки, которые включают всех агентов, заинтересованных в социальной игре религии. В данной перспективе подчеркивается размытость границ, которые переопределяются: 1) агентами религиозных полей — например, при возникновении африканских независимых церквей; 2) целенаправленным вмешательством в развитие религиозной практики, как в случае европейских колонизаторов и миссионеров; 3) взаимодействием с другими, относительно автономными полями. Последний аспект связан с тем, что в Африке долгое время религия была не конкретным полем, а «полнотой жизни», охватывающей мышление и поведение человека [21, р. 1, 6, 11–15, 22–26].

Поскольку настоящая статья посвящена исследованию религиозных специалистов (кардиналов), использование оригинальной теории П. Бурдьё представляется релевантным¹. В африканском контексте анализу подлежит структура одного из религиозных полей, а именно доминирующие позиции католического поля. Наряду с его актуальным состоянием, учитываются историческая динамика и конфигурация отношений с иными полями, в том числе с полем политики.

¹ В настоящем исследовании применение теории П. Бурдьё сочетается с привлечением католических источников и литературы, которые содержат сведения о состоянии поля религии, не всегда доступные стороннему наблюдателю. Как отмечает П. Бурдьё, «если знать о принадлежности полю религии с соответствующими ему интересами, то можно научиться управлять эффектами этой принадлежности и черпать в них опыт и необходимую информацию для производства нередуцированной объективации, способной преодолеть альтернативу внутреннего и внешнего» [3, с. 137].

МЕТОД И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографиям кардиналов Европы и Африки, размещенным на сайте Святого престола¹. Дополнительные источники данных не привлекались, поскольку анализу подлежали официальные биографические профили прелатов, из которых извлекалась и кодировалась релевантная для изучения карьер информация. Используемый метод можно обозначить как структурно-биографический, т.к. он направлен на соотнесение структуры элитной группы с биографиями образующих ее персон [8, с. 158–159]. Выборка равна генеральной совокупности и состоит из 137 кардиналов. Сведения актуальны на 1 октября 2024 г. Новые назначения не учтены в силу отсутствия официальных биографий на момент проведения исследования (до консистории 7 декабря 2024 г.)² и изменения итогового списка иерархов, возводимых папой в кардиналы³.

Как показано в таблице 2, из 235 ныне живущих кардиналов 109 человек являются выходцами из Европы, а 28 — из Африки. Коллегия насчитывает 122 выборщика, среди которых 49 европейцев и 16 африканцев. Соотношение представителей Африки и Европы составляет 1:4, в то время как для выборщиков данный показатель равен 1:3. Вхождение в сан кардинала после 80 лет, т.е. без права занятия управленческих должностей и участия в конклаве, встречается у 13 европейцев и двух африканцев. Следовательно, «символическое» назначение чуть менее распространено в Африке — 7,1 % в сравнении с 11,9 %

¹ List of Cardinals in order of Age // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/cardinali---statistiche/elenco_per_eta.html (дата обращения: 01.10.2024).

² Pope Francis announces Consistory for creation of 21 new Cardinals // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-10/pope-francis-announces-consistory-for-creation-of-new-cardinals.html> (дата обращения: 01.10.2024).

³ См.: Pope Francis adds a Cardinal to the Consistory, Archbishop Battaglia of Naples // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-11/pope-adds-cardinal-to-consistory-archbishop-battaglia-of-naples.html> (дата обращения: 04.11.2024).

для Европы. Приведенные данные поднимают вопрос о позиции, занимаемой прелатами этих регионов в поле религиозной власти.

Таблица 2 (Table 2)

Представители Европы и Африки в коллегии кардиналов, чел. (%)*Representatives of Europe and Africa in the College of Cardinals, people (%)*

Географический регион	Ныне живущие кардиналы N=235	Кардиналы-выборщики N=122
Европа	109 (46,4)	49 (40,2)
Африка	28 (11,9)	16 (13,1)

Примечание. Все таблицы, используемые в статье, составлены автором на основе данных с сайта Святого престола.

Note. All tables used in the article are compiled by the author based on data from the Holy See website.

На сайте Святого престола встречается типологизация кардиналов по трем ролям: куриальный, резидент и почетный / на покое (emeritus)¹. Поскольку в данном случае не учитывается возможность исполнения иерархом нескольких ролей², классификация была скорректирована путем объединения двух критериев: функционала и активности элитных персон. Полученные результаты позволяют сопоставить роли, наиболее характерные для кардиналов Европы и Африки. Как продемонстрировано в таблице 3, для действующих куриальных кардиналов доля европейцев в семь раз больше, чем африканцев. Среди тех, кто находится на покое, процент европейских прелатов в три раза превышает показатель выходцев из Африки. Напротив, резидентов отличает преобладание африканских иерархов — в два раза для действующих и на 20 % (в сравнении с европейцами) для кардиналов на покое. Аналогичное распределение по ролям наблюдается у вы-

¹ Graph: Distribution of Cardinals according to role // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/cardinali---statistiche/elenco_alfabetico/distribuzione-per-funzione.html (дата обращения: 12.08.2024).

² Например, кардинал Рейнхард Маркс является одновременно координатором куриального Совета по делам экономики и архиепископом Мюнхена и Фрайзинга.

борщиков Европы и Африки, за исключением меньших значений для кардиналов, пребывающих на покое (табл. 4). Эти данные указывают, с одной стороны, на реализацию африканцами управленческих функций в поместных церквях и, с другой стороны, на большую включенность европейцев в работу центрального аппарата церкви.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение кардиналов Европы и Африки по ролям, чел. (%)*Distribution of Cardinals of Europe and Africa according to role, people (%)*

Роль кардинала	Кардиналы Европы N=109	Кардиналы Африки N=28
Куриальный кардинал на покое	33 (30,3)	3 (10,7)
Кардинал-резидент на покое	36 (33)	15 (53,6)
Куриальный кардинал	24 (22)	1 (3,6)
Кардинал-резидент	23 (21,1)	12 (42,9)

Таблица 4 (Table 4)

Распределение кардиналов-выборщиков Европы и Африки по ролям, чел. (%)*Distribution of Cardinals electors of Europe and Africa according to role, people (%)*

Роль кардинала	Выборщики Европы N=49	Выборщики Африки N=16
Куриальный кардинал на покое	4 (8,2)	2 (12,5)
Кардинал-резидент на покое	13 (26,5)	4 (25)
Куриальный кардинал	17 (34,7)	1 (6,3)
Кардинал-резидент	20 (40,8)	12 (75)

В Римской курии состоят 57 европейцев, или 52,3 % от общего числа кардиналов этого региона. Выходцы из Европы возглавляют 11 из 31 куриальной структуры. Причем 49 европейских иерархов участвуют в 1–4 структурах, а максимальное количество (9 структур) встречается у префекта Дикастерии по делам Восточных Церквей Клаудио Гуджеротти. Европейцы образуют также 4 из 9 членов Со-

вета кардиналов, созданного для содействия понтифику в управлении церковью (в сравнении с одним прелатом из Африки)¹. В Римскую курию входят 16 человек, или 57,1 % африканцев. Они не вовлечены в работу Государственного секретариата, юридических структур и шести дикастерий. Среди африканских иерархов 13 человек состоит в 1–2 куриальных структурах. Максимум для этого региона (5 структур) зафиксирован в биографии кардинала Питера Кодво Аппиа Тарксона, почетного префекта Дикастерии по содействию целостному человеческому развитию. Проанализированные данные свидетельствуют о большем влиянии европейцев на выработку и реализацию (политического) курса Святого престола.

Согласно таблице 5, региональная специфика прослеживается на примере членства в структурах Римской курии. Если более половины состава Дикастерий по содействию христианскому единству и по делам Восточных Церквей образуют европейские кардиналы, то пятую часть Дикастерии по межрелигиозному диалогу — африканцы². Приоритетом для африканских иерархов становится работа в Дикастерии по евангелизации, обусловленная необходимостью накопления религиозного капитала. Представители обоих регионов составляют значительную долю кардиналов в Дикастерии вероучения. Это связано с тем, что интерпретация учения является одной из важнейших компетенцией религиозных специалистов. Она отсылает к функции легитимации социального порядка. В основе лежит религиозный интерес, т.е. выгода, извлекаемая социальной группой из религиозных практик и верований и направленная на упрочение ее материальной и символической власти. Взаимодействие религиозных интересов, зависящих от структуры межклассовых отношений и разделения религиозного труда, определяет динамику поля религии. Реинтерпретация снабжает вероучение различными (или противоположными) значе-

¹ Актуальный состав Совета кардиналов см.: Pope renews Council of Cardinals // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2023-03/pope-renews-council-of-cardinals.html> (дата обращения: 06.10.2024).

² Учитывается доля иерархов Европы и Африки от общего числа кардиналов в составе дикастерии. Значимость куриальных структур оценивается отдельно для каждого региона.

ниями для социальных групп, а также выступает предметом внутренней борьбы религиозных специалистов [2, с. 29–36].

Таблица 5 указывает на вовлеченность африканских кардиналов в деятельность Дикастерии богослужения и дисциплины таинств. Это объясняется возникновением после II Ватиканского собора множества местных литургических форм, требующих утверждения со стороны Святого престола — например, заирский обряд (см.: [25, р. 51–56]). Вызовом для африканского католицизма остается разработка местных теологий, которые отвечали бы реалиям литургического динамизма и роста численности верующих. Несмотря на развитие и методологическое сближение отдельных богословских направлений (см.: [33, р. 223–225]), африканский теологический дискурс отличается слабая концептуализация таких феноменов, как апартеид, трайбализм и пр. Это отражается на социально-политической сфере, где широкая представленность католической церкви не способствует решению актуальных проблем. Полученное в семинариях и университетах (в том числе африканских) образование сохраняет ориентацию на западные образцы мышления и практики, которые не соотносятся с африканским контекстом [25, р. 24–25].

Особенно значимой для европейских кардиналов выступает работа в Дикастерии по канонизации святых (см. табл. 5)¹. Эта куриальная структура обеспечивает доступ к «управлению резервом религиозного капитала (или святости), являющегося плодом долгого религиозного труда» [2, с. 42]. Канонизация не только подтверждает монополию церкви на обладание такой разновидность символической власти, как религиозный авторитет, но и инкорпорирует пророков в церковную иерархию [2, с. 45]. Процесс канонизации становится легитимным нарушением принятых правил и может быть совершен лишь на основании занимаемой должности, *ex officio*. Следовательно, представители Европы, образующие 81,3 % Дикастерии по канонизации святых, демонстрируют наибольшее соответствие требованиям кардинальской позиции, что позволяет им манипулировать «правилами игры» поля религии [4, с. 151–152].

¹ Дикастерия по служению благотворительности не принималась во внимание, поскольку среди ее членов только один кардинал — папский раздатчик милостыни Конрад Краевский.

Таблица 5 (Table 5)

Представленность кардиналов Европы и Африки в дикастериях Римской курии, чел. (%)*Representation of the Cardinals of Europe and Africa in the Dicasteries of the Roman Curia, people (%)*

Дикастерия Римской курии	Кардиналы Европы	Кардиналы Африки
по евангелизации, N=45	15 (33,3)	10 (22,2)
по делам епископов, N=37	16 (43,2)	0
богослужения и дисциплины таинств, N=31	13* (41,9)	6 (19,4)
по делам Восточных Церквей, N=29	16* (55,2)	2 (6,9)
по делам институтов посвященной жизни и обществ апостольской жизни, N=21	8 (38,1)	2 (9,5)
по делам культуры и образования, N=20	7* (35)	2 (10)
по делам духовенства, N=18	8 (44,4)	0
вероучения, N=16	9 (56,3)	3 (18,8)
по канонизации святых, N=16	13* (81,3)	1 (6,3)
по содействию христианскому единству, N=14	8* (57,1)	1 (7,1)
по межрелигиозному диалогу, N=14	5* (35,7)	3 (21,4)
по интерпретации законодательных текстов, N=11	4 (36,4)	0
по делам мирян, семьи и жизни, N=9	1 (11,1)	1 (11,1)
по содействию целостному человеческому развитию, N=8	3 (37,5)	0
по делам коммуникаций, N=6	3 (50)	0
по служению благотворительности, N=1	1* (100)	0

Примечание. Список дикастерий составлен на основании апостольской конституции о Римской курии Praedicate Evangelium¹. Знаком * обозначены кардиналы, в число которых входит префект соответствующей дикастерии.

Note. The list of dicasteries is compiled in accordance with the apostolic constitution Praedicate Evangelium. The sign * denotes cardinals, which include the prefect of the corresponding dicastery.

¹ Pope Francis. Apostolic constitution Praedicate Evangelium // The Holy See. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/apost_constitutions/documents/20220319-costituzione-ap-praedicate-evangelium.html (дата обращения: 01.10.2024).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство европейцев стали священниками в возрасте 24–25 лет, в то время как 42,9 % африканских кардиналов рукоположены в 27–28 лет. Средний возраст вступления в предэлитную должность для выходцев из Европы равен 48 годам, а для африканцев — 43 годам. В первую элитную должность европейские прелаты вступают в среднем в 54 года, а представители Африки — в 46 лет. В трети случаев африканцы стали епископами до 40 лет включительно. Примечательно, что двое выходцев из Африки были сразу возведены в архиепископы, а трое — в митрополиты¹. Предшествующую работу европейские прелаты начинают в среднем в 65 лет, а африканцы — в 60 лет. Средний возраст получения позиции кардинала для Европы равен 68 годам, а для Африки — 65 годам. Приведенные данные свидетельствуют о высокой динамике перемещения африканских иерархов по карьерной лестнице, но также указывают на длительность их подготовки к священству, трактуемой в качестве накопления религиозного капитала.

Совпадение места рождения и страны представительства наблюдается у 94,5 % европейских и 92,9 % африканских кардиналов. Прелаты обоих регионов рукоположены преимущественно в стране рождения: для европейцев данный показатель равен 82,1 %, а для африканцев — 88 % от общего числа биографий, в которых указано место получения священнического сана. Это позволяет зафиксировать высокий уровень укорененности иерархов на начальном этапе построения карьеры.

Причем 6 из 28 африканских кардиналов (21,4 %) подчеркивают свое происхождение из католических семей. Одна биографическая запись содержит также указание на наличие племенных связей: мать нигерийского кардинала Энтони Олубунми Окоги была принцессой народа йоруба. Это одна из крупнейших (около 25 млн чел.) и самых урбанизированных этнических групп Африки, представители которой в основном проживают в Нигерии. С 1880-х гг. йоруба начали создавать возглавляемые африканцами церкви, а в начале XX в. инициировали

¹ Если архиепископ управляет диоцезом, который отличается большой численностью верующих и/или высоким статусом в католической иерархии, то митрополит является архиепископом, возглавляющим церковную провинцию; см.: Кодекс канонического права. С. 197.

распространение христианства на юго-западе страны. Они сделали акцент на преодолении общественных кризисов в сферах экономики и здравоохранения через прямое откровение Бога, не требующее интерпретации миссионеров. Результатом стало создание устойчивых христианских сообществ, численность которых увеличилась в пост-колониальный период [33, р. 89–90].

Восхождение европейцев по карьерной лестнице отмечено перемещением в Рим и повышением доли иерархов, вовлеченных в курьяльную деятельность. Если первая элитная должность служит накоплению религиозного капитала и в 62,2 % случаев предоставляется в стране рождения, то предпредшествующую и предшествующую позиции европейские прелаты занимают в Риме — в 38,2 и 44,8 % случаев соответственно [9, с. 53–54]. В Римской курии до возведения в сан епископа состоял 21,6 % европейцев, т.е. для 1/5 европейских иерархов работа в центральном аппарате управления церковью открыла возможность для карьерного продвижения [9, с. 51]. Вхождение в Римскую курию сходной доли африканцев (21,4 %) произошло на этапе, предшествующем получению кардинальской должности. Следовательно, включение в выработку «правил игры» поля потребовало от выходцев из Африки предварительного накопления религиозного капитала.

Эндогенность, т.е. совпадение места рождения и работы, африканских кардиналов не опускается ниже 75 % на протяжении всей карьерной траектории. Это указывает на преобладание типа карьер, при котором прелат продвигается от «низших» к «высшим» постам в диоцезе как базовой административно-территориальной структуре церкви. Предпредшествующая и предшествующая работа выходцев из Африки характеризуются ростом численности иерархов, занимающих управленческие позиции на национальном уровне. Особенностью выступает вписанность биографий кардиналов в контекст страны представительства, т.е. конфигурацию политического и религиозного полей. Подобная специфика встречается в 12 биографических профилях (42,9 %), из которых 8 принадлежат выборщикам; 5 отражают участие в урегулировании военно-политических конфликтов, а 4 — в налаживании (меж)религиозного диалога.

В целом для Африки характерна вовлеченность религиозных агентов в политику, варьирующаяся от занятия руководящих постов

до освещения социальных проблем. Поэтому политическая активность кардиналов может интерпретироваться в качестве конкуренции за религиозный капитал, в которой (католической) церкви противостоят харизматические движения. Вне зависимости от принадлежности к военным хунтам или демократическим режимам африканские политики полагаются на различные источники сверхъестественной помощи. Они обращаются к харизматическим пророкам, духовные «консультации» которых заменяют или дополняют традиционные религиозные услуги — например, молитвенную поддержку церковью [33, р. 362–363]. Харизматические движения Африки становятся также альтернативной формой дискурса о колдовстве. В отличие от миссионеров, связывавших распространение христианства с искоренением веры в магию, они признают колдовство действенной силой, позиционируя себя главным способом борьбы с его влиянием [32, р. 439].

Сравнительный анализ биографий кардиналов Европы и Африки позволил выявить не только отличия, но и *схожие параметры карьер*:

1. Ведущими сферами предэлитной активности иерархов выступают пастырская деятельность и преподавание, которые для европейцев составляют 20,7 и 24,3 %, а для африканцев — 46,4 и 32,1 % соответственно.

Хотя контроль над отбором, социализацией и карьерами агентов наделяет поле религии и систему образования относительной автономией [31, р. 81–82], последняя выступает важнейшим каналом рекрутирования католической элиты. Это объясняется историческими причинами, т.е. возникновением светских учебных заведений в результате секуляризации церковных институций, а также сходством священника и преподавателя. Церковь и школа наделяют своих агентов делегированным авторитетом, гарантирующим легитимность выполняемой ими функции внушения культурного произвола [7, с. 72–76]. В данном контексте важно отметить, что африканцев отличает большая доля кардиналов, руководивших учебными заведениями — 64,3 % в сравнении с 30,3 % выходцев из Европы. Африканцы преимущественно занимали должность ректора семинарии в стране рождения (12 случаев). В Папских университетах в Риме, где сконцентрированы доминирующие позиции католического поля, работали 23 европейца (21,1 %). Ни один из африканских кардиналов не обладает подобным

опытом, способствующим накоплению особой формы культурного капитала — знания «правил игры» поля [31, р. 81].

В африканских церквях пастырское и социальное служения, включая вопросы образования, здравоохранения, справедливости и мира и пр., находятся в ведении духовенства. Служения возглавляют священники, епископы и в отдельных случаях монашествующие. Мирянам вне зависимости от уровня их компетентности отводятся подчиненные позиции, требующие послушания. Предположительно, сложившийся тип социальных отношений связан с воспроизводством характерной для колониального периода дихотомии «хозяин–слуга». Результатом стало не только возникновение африканских диктатур, но и культ религиозных властей [25, р. 110–112].

Альтернативное объяснение опирается на нераздельность священной и мирской реальностей (религии и иных полей), взаимосвязь которых выражается в гомологии между церковной и политической иерархиями. В традиционных обществах Африки легитимация избрания или назначения на должность происходит посредством установления отношений со сверхъестественными хранителями власти, т.е. различными божествами и предками. Отсюда проистекают представления о вожде как «первосвященнике», который выступает посредником между миром живых и миром мертвых. В постколониальный период такая сакрализация авторитета нашла свое отражение в политических идеологиях и проектах, включающих установление однопартийной системы и подавление инакомыслия. В целях обоснования властных притязаний правители некоторых африканских государств сочетали религиозные ресурсы с категориями традиционной культуры — например, через принятие почетного титула спасителя/искупителя [33, р. 113, 352–355].

2. В перечне предшествующих позиций кардиналов наиболее часто встречается должность председателя конференции католических епископов, т.е. управление постоянным органом, координирующим деятельность епископов на конкретной территории (в стране или регионе)¹.

¹ Католическая энциклопедия. Т. 2. М.: Изд-во Францисканцев, 2005. С. 1268–1270.

В биографиях европейских прелатов среди предшествующих позиций упоминаются руководящая должность в Римской курии (27 чел.), архиепархии (23 чел.), синоде или конференции епископов (20 чел.). Последние два статуса объединены в силу схожести их функционала. Комбинирование наиболее распространенных позиций, занимаемых перед возведением в кардиналы, демонстрирует приоритетность перехода от архиепископа к главе синода/конференции епископов (14 случаев) [9, с. 56–58].

Половина африканских иерархов имеет опыт участия в синоде. Этот «постоянный совещательный орган коллегии епископов» находится в непосредственном подчинении понтифику, который утверждает избранных и назначает др. членов, определяет сроки проведения заседаний (ассамблей), перечень обсуждаемых вопросов и возможность вынесения постановлений¹. В 1994 и 2009 г. состоялись Синоды епископов по Африке, проходившие в Ватикане и предусматривавшие консультации с африканскими теологами. Все документы и сделанные епископами официальные заявления подлежали проверке со стороны римских властей [22, р. 297].

Если работу синода отличает высокий уровень централизации, то конференции епископов обладают большей автономией. В частности, должность председателя является выборной во всех странах за исключением Италии, где главу назначает папа. В отношении Европы рост значимости епископских конференций объясняется их ролью в налаживании экуменического диалога. Функционирование данного органа сглаживает «асимметрию», которая возникает между католической (вселенской) церковью и христианскими общинами, действующими преимущественно на региональном уровне². Среди 28 африканцев 21 человек, или 75 %, имеет опыт председательства в конференции епископов, который 16 прелатов получили до возведения в кардиналы. Приведенные данные свидетельствуют о том, что управление органом, координирующим деятельность национального (или регионального) епископата, становится способом накопления религиозного капитала.

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. С. 793–794.

² См.: Dicastery for Promoting Christian Unity. The Bishop of Rome: A Study Document. Vatican City: Libreria Editrice Vaticana, 2024. P. 110–111.

3. Работа в качестве папского легата¹, включая должность нунция, не служит трамплином к позиции кардинала. Хотя дипломатическая служба встречается в биографиях многих европейцев, она редко выступает в роли предпосредствующей и предшествующей сфер деятельности — 8 и 4 раза соответственно. Опыт дипслужбы отсутствует у представителей Африки.

Несмотря на рост количества призваний, в силу большой численности населения и интенсивности религиозной практики для Африки характерна нехватка духовенства. Согласно официальной статистике, на африканском континенте на одного священника приходится 5077 католиков в сравнении с 1812 верующими в Европе². Это становится одной из причин, по которой африканские епископы не слишком склонны отправлять священников в страны глобального Севера. Дополнительными причинами выступают разногласия по этическим и доктринальным вопросам, а также проявления дискриминации в отношении миссионеров — представителей коренного населения Африки. Напряженность вызывает и социально-политическая активность африканских католиков, в том числе затрагивающая проблему миграции³. Аналогичная аргументация применима к дипслужбе, требующей высокой мобильности и соответствия «правилам игры» поля.

В основе функционирования церкви лежит делегирование монополии на средства спасения. Этот акт позволяет совокупности лиц (религиозным специалистам) выступать в качестве единого корпуса, или социального тела (церкви). Священнослужители получают символическую власть, которая зависит от неузнавания совершаемого насилия. В результате делегирования они наделяются полномочиями

¹ Папские легаты представляют Святой престол при отдельных церквях и гражданских властях, а также выступают делегатами или наблюдателями на международных собраниях, конференциях и совещаниях: Кодекс канонического права. С. 170.

² Vatican — Catholic Church Statistics 2024 // Agenzia Fides. URL: http://www.fides.org/en/stats/75542-VATICAN_CATHOLIC_CHURCH_STATISTICS_2024 (дата обращения: 18.11.2024).

³ Demography reigns down in Africa // The Pillar. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/demography-reigns-down-in-africa> (дата обращения: 20.11.2024).

говорить и действовать от имени церкви, а не просто верующих. Особенность позиции кардинала заключается в представительстве конкретной страны и региона, т.е. группы католиков, которой обеспечивается видимое присутствие в поле религии [6, с. 160–165]. П. Бурдые отмечает специфику такого делегирования: «Представляемая и символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель и обратно, именно существование группы дает возможность агенту существовать в качестве ее представителя» [6, с. 158]. Можно предположить, что невовлеченность кардиналов в дипломатическую работу указывает на недостаточный объем накопленного ими религиозного капитала, который не гарантирует представленность африканских католиков в (международном) поле религии.

4. Наименее приоритетной карьерной траекторией становится продвижение в рамках монашеского ордена. В числе 109 кардиналов-европейцев 21 монах, в то время как на 28 африканцев приходится 7 членов институтов посвященной жизни и обществ апостольской жизни.

Среди монашествующих кардиналов Европы чаще остальных встречаются иезуиты, салезианцы (по 4 чел.) и францисканцы (3 чел.). Последние, традиционно занимающиеся миссионерской деятельностью, представлены также двумя африканскими кардиналами. Наряду с ветвями францисканского ордена, Конгрегация Святого Духа является институтом посвященной жизни для двух выходцев из Африки. Она ориентирована на подготовку коренного населения к рукоположению и привлечение мирян к катехизаторской работе¹. В целом доля монашествующих в коллегии кардиналов невелика. Это связано с конкуренцией за религиозный капитал, исторически ведущейся между церковью и орденами, многие из которых организованы вокруг проповедников [2, с. 45]. Канонизация создателя ордена, а также подчинение монашествующих епископов папе² ослабляет, но не снимает напряже-

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. С. 591–593.

² Монашествующий, возведенный в сан епископа, подчиняется исключительно папе. Оставаясь членом института посвященной жизни, он не несет всей полноты обязательств, сопряженных с принесенными обетами: Кодекс канонического права. С. 297–298.

ние. П. Бурдые резюмировал так: «Отодвигая монаха на второй план в иерархии орденов, она [церковь] делает из надлежащим образом возведенного в сан священника обязательный инструмент спасения и жалует иерархии власть освящения» [2, с. 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАРДИНАЛЫ В ПОЛЕ РЕЛИГИИ

Возникновение и функционирование относительно автономного поля религии сопряжено с институционализацией религиозной власти, при которой отношения агентов заменяются «строго установленными и юридически гарантированными отношениями социально признанных положений, характеризующихся своим рангом» [5, с. 260]. Эти положения не зависят от биологических особенностей религиозных агентов, которые становятся взаимозаменяемыми. Они обладают схожей профессиональной квалификацией (обучались в семинарии) и используют одинаковые инструменты (катехизис, сборники проповедей и пр.) [2, с. 50, 53–54; 5, с. 262]. В данной перспективе позиция кардинала служит мерой ранга, т.е. фиксирует положение агентов в структуре распределения религиозного капитала и социально воспринимается как обеспечивающая обладание определенным объемом этого капитала (см.: [5, с. 261]).

Перечень должностей, занимаемых европейскими кардиналами на разных этапах построения карьеры, не является простым отражением иерархического строения церкви, а вписан в социальный контекст [9, с. 60]. Это соотносится с выводами П. Бурдые и М. де Сен-Мартен относительно французского епископата. В соответствии с собственной (карьерной) траекторией и положением в церкви каждый священнослужитель производит религиозный продукт, отвечающий спросу той или иной категории мирян. В рамках разделения религиозного труда, сопровождающегося диверсификацией рынка религиозной рабочей силы, формируется поле умеренной конкуренции, агенты которого могут обменивать свои позиции. Одним из факторов сплоченности корпуса религиозных специалистов выступает профессиональная подготовка, т.е. образование [19, р. 75–77].

В процессе восхождения кардиналов по карьерной лестнице доля выходцев из Европы, вовлеченных в диоцезную деятельность, заметно сокращается. Наблюдается снижение эндогенности, понимаемой как

совпадение места рождения и работы прелатов. Тенденция обусловлена перемещением в Рим, который в случае католицизма задает «правила игры» поля религии. Напротив, эндогенность африканских кардиналов остается крайне высокой на протяжении всей карьерной траектории. Это указывает на преобладание типа карьер, при котором прелат продвигается от «низших» к «высшим» церковным постам в стране своего рождения. Большинство африканцев являются кардиналами-резидентами. Они участвуют в миростроительстве, социальной работе и экономическом развитии африканского континента, что предполагает «возврат к способам накопления, основанным на конвертировании экономического капитала в символический» [5, с. 264]. Подобная специфика объясняется необходимостью отграничения церкви от колониального проекта, в который она была интегрирована.

В этом отношении важнейшим событием в истории африканской церкви стал II Ватиканский собор. В нем приняли участие епископы, представлявшие коренное население континента. Символическую ценность имело не столько содержание выдвинутых африканцами инициатив, сколько сам факт присутствия на соборных сессиях. Хотя африканские епископы составляли небольшую и неоднородную группу, их отличала скоординированность позиций по различным вопросам:

1. Деколонизация в сочетании с проводимой Ватиканом «индигенизацией» духовенства способствовали трансформации полей политики и религии. Это позволило африканцам выступить против расовой дискриминации, за адаптацию католицизма к местным культурам и налаживание межрелигиозного диалога.

2. В Африке накопление религиозного капитала было связано с деятельностью миссионеров, в ведении которых находились семинарии. Многие из участвовавших в соборе африканских епископов, включая ныне живущего кардинала Фрэнсиса Аринзе, после окончания местных семинарий обучались в Риме. В результате ими была приобретена особая форма капитала, заключающаяся в знании «правил игры» поля [31, р. 81]. Следование этим правилам нашло свое выражение в доктринальном консерватизме, затронувшем широкий круг вопросов: от биоэтики до celibата священнослужителей [24, р. 190–191, 265–266].

Однако уже в 1970-е гг. африканское духовенство начало выдвигать инициативы, отличные от официального курса церкви. Реакцией Святого престола стало ограничение автономии епископских конференций континента и назначение нового поколения иерархов. Это были местные священнослужители, получившие постдипломное образование в Риме и придерживавшиеся традиционных взглядов [22, р. 291]. В данном случае предоставление институциональных гарантий (делегирование) основывалось скорее на личном авторитете агентов, чем на механизмах воспроизводства установленного порядка. Религиозные специалисты должны были «оплачивать свою повышенную ценность повышенным соответствием ценностям группы» [5, с. 255]. Сохранение этой специфики прослеживается на примере хиротоний африканских кардиналов. Если двое иерархов рукоположены в священники папой во время поездок в Африку, то возведение в епископы трех кардиналов проходило в Риме под непосредственным началом понтифика.

Таким образом, сравнительный анализ биографий католической элиты Европы и Африки *подтвердил гипотезу* о том, что региональные отличия оказывают значительное влияние на карьеры кардиналов. Если для европейцев карьерное продвижение сопряжено с центростремительной мобильностью, то для представителей африканского континента характерно поочередное занятие должностей в поместных церквях: от диоцезного до национального уровня. В рамках теории П. Бурдьё это объясняется необходимостью накопления религиозного капитала, которое в силу ряда причин (сохранение традиционных верований и племенной структуры, последствия колонизации и пр.) не было завершено церковью в африканском контексте.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 316-24-96. Электронная почта: ms.valeria.spb@mail.ru.

Research Article

VALERIA D. DMITRIEVA¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia.

CARDINALS OF EUROPE AND AFRICA: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CATHOLIC ELITE CAREERS

Abstract. The article is intended to close the gap in the scientific literature on religious elites, associated with a lack of attention to the “Vatican bureaucracy” and a small number of comparative studies. The article offers an analysis of the biographies of European and African cardinals who are labeled as the Catholic elite according to the positional method. Geographic regions are selected based on the principle of least similarity. The career of cardinals is presented as a promotion through the church hierarchy, where the pre-elite stage is considered to be from ordination a priest to receiving episcopal ordination. The empirical basis of the study is data being gathered from the official website of the Holy See and processed in SPSS. The sample is equal to the general population and includes biographies of 137 hierarchs. The theoretical framework of the study is José Casanova’s concept of global Catholicism and Pierre Bourdieu’s sociology of religion. The analysis revealed that the careers of the Catholic elite of Europe and Africa, despite the presence of similar parameters, differ considerably. The rise of Europeans up the career ladder is accompanied by a decrease in endogeneity, understood as the coincidence of place of birth and work. This is due to the move to Rome, where dominant positions are concentrated and the “rules of the game” of the religious field are set. On the contrary, among Africans the type of career in which the prelate alternately occupies diocesan positions predominates. In the pre-cardinalate stage, African hierarchs are given leadership positions at the national level. This is due to the need to accumulate religious capital, which is not completed by the church in the African context. A comparative analysis of the biographies of the Catholic elite confirmed the hypothesis that regional differences have a significant impact on the careers of cardinals.

Keywords: cardinals, Catholic elite, career, Europe, Africa, religious field, religious capital.

For citation: Dmitrieva V.D. Cardinals of Europe and Africa: comparative analysis of the Catholic elite careers. *Vlast’ i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 101–137. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriia D. Dmitrieva — Junior Research Fellow, The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–24–96. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Борщ И.В. Харизматическое лидерство в католической церкви // Современная Европа. 2021. № 2. С. 147–157. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope> 22021147157. EDN: NIAZOG
Borsch I.V. Charismatic Leadership in the Catholic Church. *Sovremennaya Evropa*. 2021. No. 2. P. 147–157. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope> 22021147157 (In Russ.)
2. Бурдьё П. Генезис и структура поля религии / пер. с фр. О.И. Кирчик // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 7–74.
Bourdieu P. Genesis and structure of the religious field. Transl. from French by O.I. Kirtchik. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. [Social Space: Fields and Practices.] Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg: Aleteiya publ., 2005. P. 7–74. (In Russ.)
3. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
Bourdieu P. Choses dites. [Russ. ed.: *Nachala*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos Publ., 1994. 288 p.]
4. Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Краlechкина и И. Кушнаревой. М.: Издательский дом «Дело», 2016. 719 с.
Bourdieu P. Sur l'Etat. Cours au Collège de France (1989–1992). [Russ. ed.: *O gosudarstve. Kurs lektzii v Kollezh de Frans (1989–1992)*. Transl. from French by D. Kralechkin and I. Kushnareva. Moscow: Delo Publ., 2016. 719 p.]
5. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
Bourdieu P. Le Sens Pratique. [Russ. ed.: *Prakticheskii smysl*. Transl. from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., 2001. 562 p.]
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
Bourdieu P. Sociologie de l'espace social. [Russ. ed.: *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii publ.; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. 288 p.]
7. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.

- Bourdieu P., Passeron J.-C. La Reproduction: Éléments pour une théorie du système d'enseignement. [Russ. ed.: *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2007. 267 p.]
8. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сборник научных трудов / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN: YMHGUO
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Russian Regional elites: innovative potential in the context of globalization. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov*. [Globalization in Russian society: collection of academic papers.] Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008. P. 99–242. (In Russ.)
 9. Дмитриева В.Д. На пути к кардинальской шапке: карьерные траектории католической элиты Европы // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 1. С. 43–68. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2>. EDN: VHLAZN
Dmitrieva V.D. On the way to the cardinal's biretta: career trajectories of the Catholic elite of Europe. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 43–68. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2> (In Russ.)
 10. Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). С. 142–159. EDN: KDYFWZ
Duka A.V. «Elites» and Elite: The Notion and Social Reality. *Rossiya i sovremennyy mir*. 2009. No. 1 (62). P. 142–159. (In Russ.)
 11. Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 488 с. EDN: RXMKHE
Lunkin R.N. *Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropeiskoe obshchestvo*. [The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity Changes the European Society.] Moscow: IE RAN Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 488 p. (In Russ.)
 12. Шиманская О.К. Мария 2.0. феминистское движение в католической церкви Германии: новый вызов? // Современная Европа. 2022. № 3. С. 171–184. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030135>. EDN: GGVIEL
Shimanskaya O.K. Maria 2.0. Feminist Movement in the Catholic Church in Germany: A New Challenge? *Sovremennaya Evropa*. 2022. No. 3. P. 171–184. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030135> (In Russ.)

13. Bigler R.M. *The Politics of German Protestantism. The Rise of the Protestant Church Elite in Prussia, 1815–1848*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1972. 300 p.
14. Broderick J.F. The sacred college of cardinals: size and geographical composition (1099–1986). *Archivum Historiae Pontificiae*. 1987. Vol. 25. P. 7–71.
15. Bryman A. Sociology of Religion and Sociology of Elites: Elite and Sous-Elite in the Church of England. *Archives de sciences sociales des religions*. 1974. No. 38. P. 109–121.
16. Byrnes T.A. The Polish Church: Catholic Hierarchy and Polish Politics. *The Catholic Church and the Nation-State. Comparative Perspectives*. Ed. by P.C. Manuel, L.C. Reardon, C. Wilcox. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2006. P. 103–116.
17. Casanova J. Globalizing Catholicism and the Return to a “Universal” Church. *Transnational Religion and Fading States*. Ed. by S.H. Rudolph, J. Piscatori. New York; London: Routledge, 1997. P. 121–143. <https://doi.org/10.4324/9780429503467-6>
18. Conway B. The sociology of Catholicism: A review of research and scholarship. *Sociology Compass*. 2021. Vol. 15. No. 4. <https://doi.org/10.1111/soc4.12863>
19. Dianteil E. Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion: A Central and Peripheral Concern. *After Bourdieu. Influence, Critique, Elaboration*. Ed. by D.L. Swartz, V.L. Zolberg. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 65–85.
20. Dillon M. Pierre Bourdieu, Religion, and Cultural Production. *Cultural Studies: Critical Methodologies*. 2001. Vol. 1. No. 4. P. 411–429. <https://doi.org/10.1177/153270860100100402>
21. Echtler M., Ukah A. Introduction: Exploring the Dynamics of Religious Fields in Africa. *Bourdieu in Africa: Exploring the Dynamics of Religious Fields*. Ed. by M. Echtler, A. Ukah. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 1–32. https://doi.org/10.1163/9789004307568_002
22. Egan A., SJ. Roman Catholics. *Christianity in Sub-Saharan Africa*. Ed. by K.R. Ross, J.K. Asamoah-Gyadu, T.M. Johnson. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 289–301.
23. Faggioli M. The New Elites of Italian Catholicism: 1968 and the New Catholic Movements. *The Catholic Historical Review*. 2012. Vol. 98. P. 18–40. <https://doi.org/10.1353/cat.2012.0049>
24. Foster E.A. *African Catholic: Decolonization and the Transformation of the Church*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2019. 369 p.
25. *Handbook of African Catholicism*. Ed. by S.Ch. Ilo. New York: Orbis Books, 2022. 824 p.

26. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 79–92. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8
27. Kratochvíl P. Roman Catholicism and Europe. *The Oxford Handbook of Religion and Europe*. Ed. by G. Davie, L.N. Leustean. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 437–457. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198834267.013.24>
28. O’Neill C. *Catholics of Consequence. Transnational Education, Social Mobility, and the Irish Catholic Elite 1850–1900*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198707714.001.0001>
29. Rapp C. The Elite Status of Bishops in Late Antiquity in Ecclesiastical, Spiritual, and Social Contexts. *Arethusa*. 2000. Vol. 33. No. 3. P. 379–399.
30. Sigurdson E. *The Church in Fourteenth-Century Iceland. The Formation of an Elite Clerical Identity*. Leiden; Boston: Brill, 2016. 207 p.
31. Swartz D.L. Bridging the Study of Culture and Religion: Pierre Bourdieu’s Political Economy of Symbolic Power. *Sociology of Religion*. 1996. Vol. 57. No. 1. P. 71–85. <https://doi.org/10.2307/3712005>
32. *The Palgrave Handbook of Christianity in Africa from Apostolic Times to the Present*. Ed. by A.E. Barnes, T. Falola. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2024. 699 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-48270-0>
33. *The Routledge Companion to Christianity in Africa*. Ed. by E.K. Bongmba. New York; London: Routledge, 2016. 577 p. <https://doi.org/10.4324/9781315890012>
34. Verter B. Spiritual Capital: Theorizing Religion with Bourdieu Against Bourdieu. *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. No. 2. P. 150–174. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00182>